

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 204–211

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 204–211

<https://bonjour.sgu.ru>

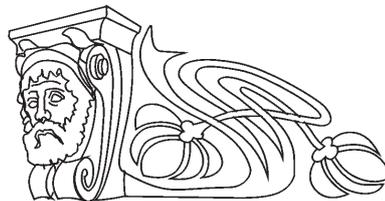
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-204-211>, EDN: AIJCQC

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Кушнер

Александр Кушнер: два «Посещения»

А. В. Кулагин

Государственный социально-гуманитарный университет, Россия, Московская обл., 140411, г. Коломна, ул. Зелёная, д. 30

Кулагин Анатолий Валентинович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, kula-mariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5494-6158>

Аннотация. В статье рассмотрены и сопоставлены два стихотворения А. С. Кушнера, имеющие общее название – «Посещение» (1977 и 1985 гг.). Они объединены ситуацией возвращения лирического героя в места, где прошли его детство и юность. Но авторская позиция лишена ожидаемого в таких случаях ностальгического сожаления о давних годах – в частности, за счёт несовпадения воспоминаний с реальным миром прошлого. Кушнер продолжает русскую традицию лирических «возвращений» (Пушкин, Баратынский, Некрасов и др.), но соотносит её с новым историческим контекстом и опытом советской эпохи, подвергаемым в его стихах критическому переосмыслению. Второе стихотворение не дублирует первое: лирическая ретроспектива в нём углублена за счёт мотивов детского и отроческого чтения позднесталинской эпохи, детской и «взрослой» (популярной в послевоенные годы) игры в волейбол, школьной учёбы. В статье проанализирована также стихотворная техника поэта, раскрыто её значение для лирического содержания стихотворений. Сравнительно короткий размер (трёхстопный ямб, двустопный анапест), как будто неожиданный для лирики Кушнера, тяготеющего в 70-е и 80-е гг. к «длинной» строке, выдаёт скрытую полемику по отношению к стихотворному эпосу, к которому как будто подводит в данном случае поэтическая тема, но который самому поэту сознательно чужд. В статье затронута также ещё одно (третье) стихотворение Кушнера с названием «Посещение» (1973), связанное с двумя другими лишь косвенно, но тоже содержащее мотивы советской истории. В итоге все три стихотворения вписываются в серию стихотворений Кушнера, воссоздающих общественно-политическую атмосферу советской эпохи.

Ключевые слова: Кушнер, мотив, воспоминание, традиция, лирический сюжет, пейзаж, ритмика, строфика

Благодарность: Автор благодарен Александру Семёновичу Кушнеру, прочитавшему статью в рукописи и высказавшему ценные замечания, учтённые в статье.

Для цитирования: Кулагин А. В. Александр Кушнер: два «Посещения» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 204–211. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-204-211>, EDN: AIJCQC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Alexander Kushner: Two “Visits”

A. V. Kulagin

State University of Humanitarian and Social Studies, 30 Zelenaya St., Kolomna 140411, Moscow region, Russia

Anatoly V. Kulagin, kula-mariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5494-6158>

Abstract. The article considers and compares two poems by A. S. Kushner with a common name – “Visit” (1977 and 1985). They are united by the situation of the lyrical hero returning to the places where he spent his childhood and youth. However, the author’s position is deprived of the nostalgic regret about the past years that is expected in such cases – in particular, due to the mismatch of memories with the real world of the past. Kushner continues the Russian tradition of lyrical “returns” (Pushkin, Baratynsky, Nekrasov, etc.), but correlates it with the new historical context and experience of the Soviet era, which undergoes critical re-interpretation in his poems. The second poem does not copy the first: the lyrical retrospective in it is more profound due to the motifs of infant and adolescent reading of the late Stalin era, childrens’ and “adult” (popular in the post-war years) volleyball games, and school studies. The article also analyzes the poetic technique used by Kushner, revealing its significance for the lyrical content of poems. A relatively short meter (iambic trimeter, anapestic dimeter), seemingly unexpected in the poems by Kushner, who gravitated towards the “long” line in the 70s and 80s, betrays a hidden polemic in relation to the epic poetry, a poetic theme seeming to lead up to it, but the epic poetry being consciously foreign to the poet himself. The article also touches upon another (the third) poem by Kushner called “Visit” (1973), which is only indirectly related to the other two, but which also contains the motifs of the Soviet history. As a result, all three poems fit into a series of poems by Kushner that recreate the socio-political atmosphere of the Soviet era.

Keywords: Kushner, motif, memory, tradition, lyrical plot, landscape, rhythm, stanza

Acknowledgements: The author expresses gratitude to Alexander Semyonovich Kushner, who read the manuscript of the article and made valuable comments taken into account in the article.

For citation: Kulagin A. V. Alexander Kushner: Two "Visits". *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 204–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-204-211>, EDN: AIJCQC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Среди стихотворений Александра Кушнера есть два, связанные между собой не только общей темой (своеобразная ретроспектива, поэтическое возвращение к ранним годам), но и общим названием – «Посещение». Первое из них написано в 1977 г., второе – в 1985-м¹. Судя по тому, что именно так – «Посещение» – назвал поэт свою недавнюю книгу избранных стихов [2] и именно стихотворением 77-го года её и открыл, – эта тема, а значит, и сама невольная лирическая диалогия представляется нам значимой для понимания его жизненного и творческого пути, а образующие её стихотворения требуют сравнительного анализа.

Первое «Посещение» открывается зачином, сразу отсылающим к известной поэтической традиции:

Я тоже посетил
Ту местность, где светил
Мне в молодости луч,
Где ивовый настил
Пружинил под ногой.
Узнать её нет сил.
Я потерял к ней ключ [2, с. 3].

Оговорка «Я тоже посетил...», конечно, вызывает ассоциации со стихами предшественников, разрабатывавших тему посещения лирическим героем мест, с которыми связаны годы его детства или молодости. У больших поэтов такое посещение обычно – больше, чем посещение. Так, у Пушкина («...Вновь я посетил...») оно оборачивается лирико-философскими раздумьями о человеческом предназначении²; у Баратынского («Запустение», которое Кушнер называет вообще «одним из самых дорогих» для него стихотворений [4, с. 108–109]) – «запахом увяданья» и воображаемой встречей с уже ушедшим из жизни близким человеком (отцом); у Некрасова («Родина») – тяжёлым осознанием своей «барской» вины перед близкими людьми и крепостными крестьянами; у Есенина («Воз-

вращение на родину») – ощущением бесповоротных изменений «милого края» в советские годы; у Бродского («Воротишься на родину. Ну что ж...», «От окраины к центру») (оба стихотворения написаны в начале 1960-х гг.) – метафизическим одиночеством («Значит, я никуда не вернулся» [5, с. 33]). В русле этой традиции и Кушнер нагружает лирическую ситуацию возвращения важным содержанием, выходящим за рамки личной судьбы лирического героя. Сама эта судьба оказывается вместилищем большой истории, и для такой поэтической задачи увеличенный объём («большая лирическая форма» [6, с. 11]) оказывается органичен и необходим.

Но какова сама эта задача?

Лейтмотив стихотворения – несоответствие эмоционального восприятия прошлого реальному прошлому. Не то чтобы самому прошлому – скорее, тому, что осталось от него сегодня. Наверное, поэт мог бы подписаться под известными строками Геннадия Шпаликова: «По несчастью или к счастью, // Истина проста: // Никогда не возвращайся // В прежние места. // Даже если пепелище // Выглядит вполне, // Не найти того, что ищем, // Ни тебе, ни мне» [7, с. 11]. Но раз уж возвращение произошло – что перед глазами? Лирический герой стихотворения 1977 г. удивлён тем, что места, которые он «тоже посетил», выглядят иначе, чем он ожидал: «Так вот оно что! Нет // Той топи и цветов, // И никаких примет, // И никаких следов. // И молодости след // Растаял и простыл. // Здесь не было кустов! // О, кто за двадцать лет // Нам землю подменил?» [2, с. 3]. Поэт вообще скептически относится к воспоминаниям, считая (и в этом его мнение совпадает с тем, что говорят на данную тему психологи), что с десятилетиями наша память о прошлом подвергается абберрации, что мы помним его очень избирательно и субъективно: «Я помню блеск потухших взоров // Всех тех, кому был в жизни рад, // Но я не помню разговоров, // Ни тех подробностей, ни дат. // И, прелесть антиквариата // Лишь умозрительно цена // (И даром мне его не надо!), // Я – друг сегодняшнего дня» («Кто стар, пусть пишет мемуары...», 2001–2002) [8, с. 21]. А применительно к поколению Кушнера вопрос о памяти, о воспоминаниях осложняется тем, что оно в самые впечатлительные годы (детство и юность) застало «железобетонную» сталинскую эпоху и «фильмов тех и книг чудовищный

¹ Есть, правда, у поэта и ещё одно «Посещение» («Прятедь мой строг...», 1973), но оно имеет другой характер и стоит особняком; впрочем, ниже оно нам тоже понадобится. Даты написания упоминаемых в статье стихотворений сообщены нам самим А. С. Кушнером и обозначены нами [1].

² О роли пушкинской традиции, а также о влиянии жанра элегии, о хронотопе «Посещения» 1977 г. см. в специальной – ученической, но насыщенной и полезной – работе [3].

костяк», сатирический журнал «Крокодил», в котором «гуляет диплодок, как символ грозных сил, похожий на мешок». В самом деле, эмблемой этого журнала, обличавшего, помимо прочего, «отклонения» от «единственно верной» советской идеологии, была уродливая фигурка крокодила, державшего в лапах вилы (он же «символ грозных сил»). Досталось однажды от этого журнала и самому Кушнеру: после выхода в свет его первой книги «Первое впечатление» в «Крокодиле» был напечатан по этому поводу фельетон [9]. В общем, память о ранних годах у поэта тяжела и неприятна, она отнюдь не соответствует привычному ностальгическому сожалению: «Элегии чужды // Привычкам нашим, – нам // И нет прямой нужды // Раскапывать весь хлам, // Ушедший на покой, // И собирать тех лет // Подробности: киркой // Наткнёшься на скелет // Той жизни и вражды» [2, с. 4]. Эти строки предвосхищают написанное поэтом впоследствии, где он в присущей ему манере пропускает своё время через историко-культурные ассоциации: «Начнёшь рассказывать о слепоте богов, – // Их милость ветрена и грубый нрав неистов, // О выступлениях в ДК пиццевиков, // Приказе цезаря стать лагерем над быстрой // Рекой и варваров, в железные тиски // Зажав, теснить к горам... Нет, я к таким рассказам // Не склонен, прошлое – прилив сплошной тоски, // И приступ слабости, и призыв лжи – всё разом» («Начнёшь рассказывать о тех, кого застал...», ок. 2003) [10, с. 190]. Но о чём же тогда «Посещение»? Они – о памяти, но памяти не фактографической, готовой обернуться «призывом лжи», а эмоциональной. Такая память – не ошибается, ибо и не претендует на буквальную точность.

Любопытен в стихотворении мотив старого фотоснимка, который вроде бы не должен обманывать: фотография есть документ, который не подделаешь, он сохраняет прошлое в обход всякой аберрации нашей памяти. «Посвящение» предвосхищает позднейшие стихотворения поэта, навеянные его детскими фотоизображениями: «Этот мальчик в коротких штанишках...» (1994); «Фотография» («Я думаю, это деревня Межно...», 2002). Но и такой документ, как фотография, оказывается ненадёжен. Внешне это передано через плохое качество любительского снимка:

Есть карточка, где ты
С подругой давних лет
Любителем заснят.
Завалены ходы.
Туманней, чем тот свет [2, с. 4].

«Тот свет» мог бы быть раем прошлого, но не похож он на рай, и сам топос рая здесь переиначивается и переоценивается за счёт снижающих его земных пейзажных мотивов размытой колеи и дождя: «Бледней, чем райский сад. // Там видно колею, // Что сильный дождь размыл. // Так вот – ты был в раю, // Но, видимо, забыл» [2, с. 4–5]. Бледность и размытость – в переносном смысле это и есть преграда между сегодняшним днём и прошлым, то, чем «завалены ходы» в ушедшее время. Сравним эти строки с написанными несколько лет спустя в стихотворении о ссыльном Мандельштаме, служившем в воронежском театре: «Фотография тридцать шестого, наверное, года. // Театральная труппа. Домашнее что-то, как сода, // Закулисное, рыхлое, в воздухе растворено» («Фотография») [10, с. 84]. «Закулисное, рыхлое» изображение на снимке словно мешает всмотреться в прошлое, воздвигает непреодолимое препятствие между эпохами.

Ещё в восьмидесятые годы было замечено И. А. Макаровой, что «реальность, не поддержанная художественной ассоциацией, нереальна в поэтическом мире Кушнера» [11, с. 45]. Вот и в «Посещении» зыбкость и ненадёжность человеческой памяти находит своеобразное подтверждение в чужом литературном опыте:

Я «Исповедь» Руссо
Как раз перечитал.
Так буйно заросло
Всё новым смыслом в ней,
Что книги не узнал... [2, с. 5].

Наверное, любая книга, перечитанная нами спустя много лет, покажется изменившейся. Но здесь выбран именно Руссо, и это, как нам думается, очень показательно. Родоначальник сентиментализма, он создал, можно сказать, литературу человеческой души, открыл её изменчивость и противоречивость, связал жизнь человека с жизнью природы. «Исповедь» же отличается самоанализом и откровенностью. Кушнера такая установка вообще должна была привлечь на общем фоне мемуарной литературы (*исповедь как раз – не мемуары!*), где автор обычно склонен – вольно или невольно – обелять себя; ср.: «Мемуарист не всё расскажет // И, заманив в былую тьму, // Легко забудет и замажет // То, что невыгодно ему» («Мемуарист не всё расскажет...», 2017) [12, с. 20]. В общем, выбор поэтом именно «Исповеди» Руссо закономерен, ибо это очень *живая* книга, а прошлое лирического героя и оказалось *живым*, меняющимся в соответствии с «диалектикой души». Это выражение Чернышевского о прозе Толстого вспомнилось

нам недаром, ибо по ассоциации с Руссо в «Посещении» Кушнера как раз возникает имя самого большого «руссоиста» русской литературы: «А есть среди страниц // Такие, что вполне // Быть вписаны могли // Толстым, в другой стране, // Где снег и ковыли» [2, с. 5]³. Опыт Руссо и Толстого, двух беспощадных к себе авторов (у Толстого, кстати, тоже есть «Исповедь»; можно вспомнить и о его дневниках), подкрепляет лишённую всякой идеализации прошлого рефлексии лирического героя «Посещения»: «Но, может быть, всего // Ужасней был бы вид // Для нас как раз того, // Чем сердце дорожит» [2, с. 4].

Напомним общеизвестное: и Руссо, и (на другом уже уровне) Толстой видели в человеке проявление природного начала; отсюда – их высокий интерес к теме «натуры». Автор стихотворения помнит об этом и словно подхватывает тему, сопрягая имена двух классиков с пейзажными мотивами. Напомним ещё раз: «Так буйно заросло // Всё новым смыслом в ней, // Что книги не узнал»; «...Быть вписаны могли // Толстым, в другой стране, // Где снег и ковыли». Но главное лирическое – на уровне пейзажа – открытие ожидает читателя стихотворения впереди. Оказывается, вместе с нашей памятью меняется и мир природы, она уходит (даже «убегает») и меркнет, подобно бледным фотоотпечаткам:

Я тоже посетил.
Наверное, в наш век
Меняются скорей
Черты болот и рек;
Смотри: подорван тыл.
Обвал души твоей.
Не в силах человек
Замедлить жёсткий бег
Лужаек и корней [2, с. 5–6].

Кстати, мотив «обвала души» отсылает к стихотворению Кушнера «Руины» (1975), где «обвал» воспринимался примерно в таком же переносном смысле: «Я помню те разбитые кварталы // И ржавых балок крен и провисанье. // Как вы страшны, бывшие идеалы, // Как вы горьки, любовные прощанья, // И старых дружб мгновенные обвалы, // Отчаянья и разочарования!» [2, с. 126–127]. Можно вспомнить и строку позднейшего стихотворения о ссыльном Наполеоне: «Скорбный финал обвалившейся эпопеи» («Корсика, Эльба и остров святой Елены...», 2011–2012) [14, с. 49]. Заметим, что оба процитированных нами стихотворения связаны с военной темой, и в «Посещении» военный мотив

(в переносном значении) тоже есть: «подорван тыл». Но здесь нельзя не вспомнить уже упомянутое нами «Запустение» Баратынского, где как раз звучит мотив «исчезающего» пейзажа, и при этом – мотив «обвала»: «Вотще! лишённые хранительной преграды, // Далече воды утекли, // Их ложе поросло травой. // Приют хозяйственный в нём улья обрели // И лёгкая тропа исчезла предо мною. // Ни в чём знакомого мой взор не обретал! // Но вот по-прежнему, лесистым косогором, // Дорожка смелая ведёт меня... обвал // Вдруг поглотил её...» [15, с. 89]. Но Кушнер не повторяет предтечу: если у Баратынского перемены в пейзаже рукотворны (плотина, ульи) и сам «обвал» – явление чисто природное, то у Кушнера и перемены связаны не с делами человеческих рук, а с внутренней жизнью человека, и мотив «обвала», конечно, выходит за рамки пейзажа, обретает психологическое наполнение (хотя он по-своему драматизирован и у Баратынского).

Лирический сюжет подошёл к кульминации. Судьба человека сродни судьбе природы: подобно тому, как «луга сползают в смерть» (здесь поэт добавляет наглядное, характерное «кушнеровское» сравнение: «как скатерть с бахромой»; о мотиве скатерти в творчестве поэта см.: [16, с. 368–372]), уходит из жизни и человек, и относиться к этому надо без «сентиментальных сцен», а как к естественному ходу времени и жизни. В русской поэзии этот закон открыл в своём стихотворении «Смерть» тот же Баратынский – кстати, как раз связав в единую тему человеческую жизнь и жизнь природы («Даешь пределы ты растенью, // Чтоб не покрыл гигантский лес // Земли губительную тенью, // Злак не восстал бы до небес» [15, с. 66] и т. п.), и современный автор развивает его поэтическую мысль⁴. Во-первых, она у него подкреплена, именно в духе Кушнера, знающего цену бытовым мотивам, – житейской конкретикой («склад», «дыры», «лото»):

И знаешь, даже рад
Я этому: наш мир –
Не заповедник; склад
Его изменчив; дыр
Не залатать; зато
Новёхонек для тех,
Кто вытащил в лото
Свой номер позже нас,
Чей шепоток и смех
Ты слышишь в поздний час [2, с. 8].

А во-вторых, мотив «вытащенного номера» тоже, как покажет дальнейшее его творчество,

³ О творческом восприятии Кушнером творчества Толстого подробно см.: [13].

⁴ О творческом восприятии Кушнером поэзии Баратынского подробно см.: [17].

характерен для поэта и связан у него с размышлениями о своей судьбе в контексте истории. Прочитываем позднейшие стихи: «Лет на семь раньше я родился – и жизнь иначе // Моя устроилась бы: я б стихи любил // Иные, с юностью б совпал моей горячей // Гнев государственный и коллективный пыл...» («Лет на семь раньше я родился...», 1986) [18, с. 27]; «Плачь, сердце! Счастливый такой почему б не вернуть // С гербом и печатью районного загса билет // На вход в этот ужас?» («Когда б я родился в Германии в том же году...», 1995) [2, с. 294]. Как видим, и здесь мотивы тоталитарной эпохи («ужас») слегка, по-житейски, приправлены лёгкой иронией («с гербом и печатью районного загса»). В «Посещении» же – после отсылки к опыту предыдущего поколения, того самого, в которое лирический герой, по счастью, не попал, – самые последние строки вводят мотив судьбы следующего поколения, вообще смены поколений – мотив ещё пушкинский, прозвучавший в том самом пушкинском «...Вновь я посетил...», которое, повторим, стало одной из отправных точек для поэтического «посещения» современного поэта.

Любопытна стиховая форма, которой поэт в данном случае воспользовался. Во-первых, размер. К концу семидесятых в поэзии Кушнера уже вполне обозначилась тенденция к использованию сравнительно длинной строки: см., например, стихотворения того же 1977 г., когда написано «Посещение»: «Там льдистый занавес являет нам зима...» (шестистопный ямб); «Блеск такой – не нужна никакая цветочная Ницца...» (пятистопный анапест); «Мемориальная преображает фасад...» (пятистопный дактиль). На этом фоне короткий трёхсложный ямб «Посещения» выглядит неожиданно. Как можно было бы объяснить такой выбор размера? Кушнер известен как противник жанра поэмы, о чём он сам написал в 1971 г. в стихотворении «Отказ от поэмы»: «...Зачем поэмы сочинять, // Вести себя высокопарно? // Сошлёмся на старенье жанра...» [19, с. 52]. Но «Посещение», будучи лирическим стихотворением, несёт в себе явную эпическую ноту, располагающую к неторопливому рассказу, а значит – к длинной строке. Поэт ощущает эту тенденцию и коротким размером словно нейтрализует её, добавляет динамики, «сбивает» эпический пафос собственного стихотворения. Многочисленные анжамбеманы (приём для короткой строки сложный, требующий технической изощрённости) усиливают это ощущение сбивчивости (напомним ещё раз для примера: «...наш мир – // Не заповедник; склад // Его из-

менчив; дыр // Не залатать...»). В общем, если не может быть кратким само стихотворение – сделаем кратким хотя бы размер («Короче, – твержу я себе. И всегда был я краток» [2, с. 303]).

Во-вторых – строфика и рифмовка. Строфы – лучше сказать, строфоиды – имеют разный объём. Например, в первом строфоиде содержатся 11 стихов, во втором – 9, в третьем – 8 и т. д. Самый большой строфоид содержит 19 стихов, самый маленький – 2, при том что внутри него стихи между собой даже не зарифмованы: «Дрожание ресниц, // Сердечной правды пыл». Зато они рифмуются – первый со стихом (не соседним!) строфоида предыдущего, второй – со стихом строфоида последующего. Внутри строфоидов рифмовка произвольная, не подчиняющаяся никакому единому рисунку. Скажем, в первой строфе она такова: *aabacabcaba*; во второй: *defedaeda*, и далее она выстраивается тоже свободно, нигде не повторяясь. Но при всей кажущейся внешней спонтанности рифмовки заметим, что в двух первых строфоидах есть сквозная рифма *a* («посетил» – «настил» и т. д.), словно связывающая текст, нанизывающая его на единый стержень, и далее она будет появляться в стихотворении ещё не раз. То есть – будучи очень свободной, строфика и рифмовка всё-таки «помнят» о присущей поэту стиховой «дисциплине», и ощущение поэтической свободы не отменяет продуманности и виртуозности работы со стихом. Мы склонны видеть в этом проявление той же творческой сдержанности в отношении к эпосу, который стремится ограничить творческую мысль рамками, эмоциональному искусству лирики чуждыми.

Второе стихотворение (1985) напоминает первое не только названием, но и поэтической техникой. Оно тоже сравнительно велико по объёму (123 стиха); здесь тоже есть строфоиды разного объёма (от 8 до 18 стихов) с произвольной, не связанной единой схемой, рифмовкой и с анжамбеманами; тоже использован короткий размер – но уже другой: двустопный анапест. Объяснение этому, по-видимому, в том же, в чём мы видели его и применительно к первому стихотворению, – в вольном или невольном отталкивании от эпической манеры, к которой тема как будто располагает.

Но есть, конечно же, и переклички текстуальные, смысловые. Прежде всего – сам зачин, по-своему заново варьирующий классическую ситуацию «посещения»:

Там, где в детстве я жил,
Я опять побывал.
Я настиг, ощутил

Это время, в провал
Заглянув, не узнал,
Восхитился, застыл,
Этот мальчик был мал [20, с. 8].

Вместе с лирическим героем мы вновь погружаемся в позднесталинскую эпоху. Поэтому многое в позднейшем восприятии и детских и юношеских лет сходится или, по крайней мере, варьируется. Так, обращает на себя внимание общий для двух стихотворений мотив «художественных» впечатлений. В стихах 1985 г. уже нет «Крокодила», зато словно расшифровывается формула «А фильмов тех и книг // Чудовищный костяк!» из первого «Посещения». Вот что читает и слушает ребёнок середины столетия: «Что за год это был? // Он делил пополам // Век двадцатый, любил // “Князя Игоря”, срам // Обещавшего свой // Искупить и позор, // Чуть не до хрипоты, // В каждом доме – степной // Половецкий шатёр... // “Кавалера звезды” // Он любил “золотой”. // “Далеко от Москвы” // Он читал в поездах...» [20, с. 10]. Упомянуты два известных в ту пору «лакировочных» романа послевоенной литературы соцреализма – «Кавалер Золотой Звезды» Бабаевского и «Далеко от Москвы» Ажаева (оба, кстати, претендовали на столь не любимую Кушнером эпичность, а в реальности были, по сути, псевдоэпичны), а также опера Бородина «Князь Игорь», усиленно насаждавшаяся сталинским официозом. «...Но июльской листвы // Ликованье в садах // Волновало сильней...» [20, с. 10], – продолжает, однако, поэт, и это «ликованье» – лучший ответ казённому советскому искусству.

Мотив пейзажа, словно исчезнувшего вместе с давним временем, звучит и в этом стихотворении, но теперь он переплетается с новым мотивом, в стихах 1977 г. отсутствовавшим:

Там, на круглом лугу,
Среди запаха смол
Перед детским в долгу
Взрослый был волейбол. <...>
Луга нет и столбов
Не найти. Игроки
В немощных стариков
Превратились... [20, с. 8–9].

Любопытно, что «Посещение» 1985 г. невольно перекликается с произведением ещё одного поэта поколения Кушнера, написанным чуть раньше – в 1983-м. Это песня Визбора «Волейбол на Сретенке» – одно из последних, по своему итоговое в творчестве барда. Оно тоже «мемуарное», и волейбол, очень популярный в послевоенные годы, оказывается у Визбора

игрой, через которую пропущена судьба целого поколения. Соприкасаются даже отдельные мотивы. У Кушнера читаем: «Может быть, // Кто-то в царстве теней // Сетку смог раздобыть, // Мяч заняв у детей» [20, с. 9]. У Визбора: «А помнишь, друг, команду с нашего двора, // Послевоенный – над верёвкой – волейбол, // Пока для секции нам сетку не украл // Четвёртый номер – Коля Зять – известный вор» [21, с. 385]. Строки Визбора – конкретно-бытовые; строки же Кушнера воссоздают потустороннюю картину, нагружая конкретику символическим смыслом. Но у них есть единая подоплёка, как раз бытовая: автор «Посещения» тоже помнит, что дорогая волейбольная сетка была в бедные послевоенные годы предметом почти роскошным, её надо было «раздобывать». Отметим ещё, что звучавший в первом «Посещении» символический мотив обвала («обвал души») находит развитие и во втором. Поначалу это, правда, «провал» («в провал заглянув, не узнал»), а затем и сам «обвал», в том же волейбольном контексте: «О, как я ликовал: // Этих взрослых подач // Был прекрасен обвал». А поскольку те взрослые игроки «играют» теперь не здесь, а по ту сторону бытия, и сам мотив обвала имеет не только конкретный, но и символический смысл. О том, что спорт в сознании ребёнка и юноши послевоенных лет – больше чем просто спорт, а ещё и составляющая советской идеологии, нам напоминают строки «Посещения» 1977 г., с двусмысленным мотивом «липкого кумача» на характерных для сталинских лет физкультурных парадах: «...Что шли, к плечу плечо, // В футболках и трусах, // Под липким кумачом // С гирляндами в руках» [2, с. 7]. Казалось бы – при чём тут «детский», да и «взрослый» волейбол? Но и этот волейбол, и физкультурные парады – это всё составляющие той «Атлантиды», что ушла на дно времени («В пучинах памяти – подбье Атлантиды...», 1996).

«Посещение» 1985 г. – тоже, как предыдущее «Посещение», стихотворение антиностальгическое, словно противоречащее ожидаемой поэтизации начала жизни:

Ах, я детства боюсь, –
Золотая тщета!
Нас смутили б, клянусь,
Впечатлительность та,
Одиночество, – мнусь,
Не шагнул бы туда [20, с. 9].

Поэт вообще скептически воспринимает всякую (условную, конечно) возможность вернуть время, пережить ещё раз прожитые годы. Напомним стихи, написанные как раз в год со-

здания первого «Посещения» (1977): «Я в трубку телефонную кричу, // Чтоб слышала меня и поняла: // – Я, знаешь ли, ещё раз не хочу // Жить, хватит мне той жизни, что была. <...> А я не отказалась бы... – / Молчу. // Ей кажется, что в следующий раз // Жизнь выдастся, как платье, по плечу, // К сиянию подойдёт и цвету глаз» («Я в трубку телефонную кричу...») [22, с. 47]. Но детство ценно другим – тем, что в ту пору лирическому герою, ребёнку, «был дан в детском том полусне общий смысл её, план», как это видно уже из зрелого возраста.

Финал стихотворения мы понимаем как выражение поэтической мысли не только о «посещении» прошлого лирическим героем стихотворения, но и о цикличности жизни вообще, о том, что путь, пройденный героем, человеком своего поколения, придётся пройти и другим – но, разумеется, это будет уже *их* путь:

...Словно вызвали вдруг
Ученицу к доске,
Хмурят строгую бровь,
Предлагают мелок –
И, отличница, вновь
Отвечает урок [20, с. 11–12].

Для выражения лирико-философской мысли Кушнер, наследник акмеистической точности, обычно находит какой-то конкретный образ. Вот и здесь, помимо мотива ученицы-отличницы (школьная аура для лирики поэта, более десяти лет проработавшего учителем, вообще характерна), интересен и точен ещё мотив хвойной иглы, которая «колет... нас... столько, сколько жила на земле она раз». *Нас* – то есть не только *меня*, но и тех, кто жил *до меня* и кто будет жить *после*. Вернёмся здесь к финалу первого «Посещения»: «Кто вытащил в лото // Свой номер после нас...»

Означает ли близость двух стихотворений, что второе писалось сознательно как некое продолжение первого, что поэт преследовал цель создать лирическую дилогию «посещений»? Судя по всему, нет. Когда Александр Семёнович узнал о замысле этой статьи и перечитал свои давние стихи, он написал нам: «Странно, что эти стихи так перекликаются друг с другом» (из письма от 8 апреля 2021 г.). Это не единственный случай появления в лирике Кушнера невольных «дилогий», когда какая-то тема спустя годы или даже десятилетия вновь привлекает его внимание и вызывает новую поэтическую версию, не повторяющую первую. Вот примеры его, если воспользоваться выражением Н. Я. Мандельштам о стихах её мужа, «двойчаток» [23, с. 234]: «Спасибо мастеру краснофигурных ваз...» (ок.

1979) – «Эти трое любят первую ласточкой...» (2012); «Павловск» («Холмистый, путанный, сквозной, головоломный...», 1981) – «Павловск» («В тех залах статуи стоят как облака...» 1984) и др. В данном же случае два стихотворения с общим названием, при всей своей близости друг другу (критическое отношение к прошлому; погружение биографии лирического героя в контекст истории, и при этом – «антиностальгичность» и «антиэпичность», переданная за счёт во многом общей стихотворной техники; способный меняться со временем пейзаж; мотив цикличности жизни) дают всё же разные поэтические вариации темы. Так, во втором стихотворении возникает мотив реального чтения середины века (литература соцреализма; это не Руссо и не Толстой из первого «Посещения»), реальной детской и «взрослой» игры (волейбол), мотив школы. Вообще, во втором стихотворении сгущена атмосфера детства и отрочества, в то время как лирический герой первого больше вспоминает о себе как о юноше («с подругой давних лет»; «пейзаж проходит, как любовь, как юность, как мираж»). Но эти периоды жизни – разумеется, звенья одной цепи. Второе «Посещение» словно углубляет лирическую ретроспективу, приближает читателя уже к самому началу жизни героя.

Любопытно, что в той же книге «Ночная музыка», куда вошло второе «Посещение», есть ещё одно сравнительно большое (102 стиха) стихотворение «Переключка» (1988), состоящее тоже из строфоидов разного объёма и написанное тоже коротким размером – на этот раз двустопным дактилем (мы уже знаем, что у Кушнера это – признаки «антиэпичности»). Лейтмотив стихотворения – судьбоносная встреча лирического героя с героиней, состоявшаяся вопреки тому, что «так разминуться было легко!» (ср. со стихотворением 1984 г. «Вот счастье: с тобой говорить, говорить, говорить...»: «...могли разминуться. // Могли зазеваться. Подумаешь, век или два!» [2, с. 219]). «Переключка» будто продолжает линию «Посещений», ибо предыстория любви здесь ведёт отсчёт от детства и включает в себя всё ту же позднесталинскую эпоху: «Сколько мне, десять // Лет было там? // Постановлений сумрачный слог // И песнопений встречный поток. // Всё это нынче кажется сном» [20, с. 43]. Кстати, мотив «сна» звучал и в «Посещении» 1985 г. (напомним: «в детском том полусне»), и ещё он косвенно напоминает о «туманном» и «бледном» снимке из прошлого в «Посещении» 1977 г.

Но мы обещали вернуться к ещё одному стихотворению поэта, имеющему название «Посещение» и написанному в 1973 г.

(т. е. хронологически первым должно быть названо именно оно). Героем стихотворения является Блок: «Я счастлив, что он захватил // Другую эпоху, ходил // За справками и на собрание. // Как будто привык. // Дежурства. Жилплощадь. Зарплата. // Зато – у нас общий язык. // Начну предложение – он вмиг // Поймёт. Продолжать мне не надо» [2, с. 111]. Мы имеем автокомментарий поэта к этим строкам: «...это он [Блок] в свитере, и разгружает дрова, ходит на собрания и т. д., т. е. хлебнул уже тогда, в самом начале советской жизни, всего того, чего потом нахлебались мы – и поэтому у нас “общий с ним язык”, он всё понимает с полслова» (из письма к автору статьи от 30 мая 2016 г.). Это стихотворение тоже содержит в себе выход (пусть и сравнительно краткий) в советскую историю, в эпоху «собраний» и «дежурств», и эта эпоха связывает лирического героя стихотворения Кушнера и Блока – и неважно, что само слово «посещение» имеет здесь другой смысл («Вломился в мой сонный висок // Обугленный гость, словно рок, // Цветком сумасшедшим в петлице» [2, с. 110]). Все три «Посещения» вписываются в цепочку позднейших стихотворений Кушнера, воссоздающих общественно-политическую атмосферу советского времени, его эмоциональную картину: «Сказал один чужак, и я скажу опять...» (1987), «Скажи: сорок первый, – я охну: война...» (ок. 1989), «Вдруг показалось на миг, что возможен, возможен роман...» (1991), «Смерти, помнится, не было в 49-м году...» (2002). Можно сказать, что все эти стихи – своеобразное «посещение» прошлого, лирическое осмысление доставшейся поэту и его поколению эпохи детства и юности, совпавшей с большими событиями исторической жизни: репрессии, война, послевоенные годы с присущим им «предвестием свободы» (Пастернак), оттепель...

Список литературы

1. Александр Кушнер: материалы к библиографии / сост. А. В. Кулагин. М. : Булат, 2021. 180 с.
2. Кушнер А. Посещение: Избранные стихи. СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга ; Геликон Плюс, 2019. 512 с.
3. Гилман А. «Посещение» в диалоге с литературной традицией (науч. рук. А. А. Скулачёв) // Гильдия словесников. URL: <https://slovesnik.org/kopilka/rabotuchenikov/stikhotvorenie-a-s-kushnera-poseshchenie-v-dialoge-s-literaturnoj-traditsiej.html> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Кушнер А. «Здесь, на земле...» : [Воспоминания о Бродском] // Кушнер А. Аполлон в траве: Эссе. Стихи. М. : Прогресс-Плеяда, 2005. С. 108–190. (Библиотека моих детей. Русские поэты).
5. Бродский И. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы : в 2 т. / сост. В. И. Уфлянд. Минск : Эридан, 1992. Т. 1. 480 с.
6. Альми И. Л. Внутренний строй литературного произведения // Альми И. Л. Внутренний строй литературного произведения : сб. ст. СПб. : Скифия, 2009. С. 4–20.
7. Шпаликов Г. Я жил как жил: Стихи. Проза. Драматургия. Дневники. Письма / сост. Ю. А. Файт. М. : Зебра Е, 2014. 528 с.
8. Кушнер А. Холодный май: Книга стихов. СПб. : Геликон Плюс, 2005. 96 с.
9. Рецензент. Четырёхугольная тоска // Крокодил. 1963. № 11. С. 9.
10. Кушнер А. Обстоятельства времени: Из стихов, не вошедших в книги. М. : Булат, 2020. 408 с.
11. Макарова И. А. Трансформация «чужого слова» в поэзии А. Кушнера // Целостность художественного произведения : межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. С. И. Тимина. Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986. С. 37–49.
12. Кушнер А. Над обрывом: Книга новых стихов. М. : Время, 2018. 96 с.
13. Кулагин А. «А всё-таки всех гениальней Толстой...» // Кулагин А. Кушнер и русские классики : сб. ст. Коломна : Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2017. С. 35–60.
14. Кушнер А. Вечерний свет: Книга новых стихов. СПб. : Лениздат, 2013. 112 с.
15. Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / сост. С. Г. Бочаров. М. : Правда, 1987. 478 с.
16. Кулагин А. Ворсистый смысл // Кулагин А. Поэтический Петербург Александра Кушнера: Монография. Статьи. Эссе. Коломна : Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2020. С. 355–374.
17. Гельфонд М. М. «Читателя найду в потомстве я...»: Боратынский и поэты XX века. М. : Биосфера, 2012. 220 с.
18. Кушнер А. Живая изгородь: Книга стихов. Л. : Советский писатель, 1988. 144 с.
19. Кушнер А. Письмо. Стихи. Л. : Советский писатель, 1974. 96 с.
20. Кушнер А. Ночная музыка: Книга стихов. Л. : Лениздат, 1991. 112 с.
21. Визбор Ю. Сочинения : в 3 т. / сост. Р. Шипов. М. : Локид, 2001. Т. 1. 560 с.
22. Кушнер А. Голос: Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1978. 128 с.
23. Мандельштам Н. Я. Воспоминания / подгот. текста Ю. Л. Фрейдина. М. : Согласие, 1999. 552 с.

Поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 05.02.2024